Грандиозность проекта, осуществляемого сейчас московским театром «Сфера», чувствуется уже по размерам зрелища. Два полновесных акта, разделенные неспешным получасовым антрактом! Если к этим двум частям, как обещано, через полгода прибавятся еще две, то-то будет зрелище!

Для кого? «Для всей семьи»!

Название под стать масштабу — чтобы осилить, надо набрать воздуха: «Простодурсен, Великое похищение реки, Приречный театр и Золотая рыбка».

Оценим и реку, и рыбку, но прежде оценим имя главного героя, переведенное с норвежского Ольгой Дробот (текст Руне Белсвика в ее переводе лежит в основе инсценировки, которую сладила и поставила Юлия Беляева). Так вот: пока главный герой Простодурсен тащит из реки обессилевшую утку, выясняется, что Реки уже нет, ее воду перекачал к себе еще один герой, по имени Пронырсен... Имена работают «на снос»: Октава — она не Октава, а Ведьма...

Что делать с пойманной Уткой — непонятно. Снесла яйцо. Что с ним делать — тоже непонятно. Из яйца вылупляется Утенок, он вырастает, и тогда все окончательно упирается в круговой тупик. Что там от знаменитого норвежца Руне Белсвика, и как опыт этого шестидесятилетнего норвежца соотнесется с нашим опытом, не вдруг поймешь: перевод с норвежского на русский достаточно экзотичен, хотя проблемы — всечеловеческие. И спектакль я воспринимаю скорее не в контексте русско-норвежского диалога, а в контексте трагической роли, которую предстоит мировой молодежи играть в наступившее время.

Какой это контекст?

Оставив за спиной мечтательно-призрачный, реально-кровавый Двадцатый век, человечество отпятилось от атомной войны.

Куда отпятилось? Что мы имеем вместо неосуществимого всемирного счастья?

Ревнивое внимание «цветных миллиардов» к «белому миллиарду» чревато ненавистью. Нависает очередное великое переселение народов. Беженцы и переселенцы звереют.

Молодые люди, не знающие, к чему приложить энергию, вербуются в террористы.

Террористы ни во что не ставят ни свои жизни, ни жизни тех незнакомых людей, которые станут их жертвами.

Цена жизни пропадает. Смертельные фокусы становятся модными... Процветают «зацепные» рекорды. Самое страшное в этом повальном светопреставлении — юношеские секции самоубийц...

Вот на этом фоне я воспринимаю спектакль — как апофеоз молодежи, которая не раскалывает общество, а вливается в общество.

Не рассуждения держат действие, а захватывающие мнемонические и плясовые взрывы! Фирменный стиль «Сферы»...

Спектакль идет под ликующие крики юных зрителей. Овации подхватывают его ритм.

Впрочем, рассуждения тоже есть..

— А вдруг все обойдется? Устроится как-нибудь. И будут дружеские застолья с бесплатными тортами!

Или, как сформулировал неистощимый Простодурсен, — пудинговое пиршество?